

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-99–108

ОБРАЗЫ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ ИЗ ПРИДУНАЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ В НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

А.Д. Назаров

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
andrey.nazarov451@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются образы императоров, которые были уроженцами балканских провинций Рима, в нарративных источниках. Автор приходит к выводу, что в III в. до н.э. в римской литературе сформировался стереотипный образ дунайских военных. Они зачастую предстают вульгарными и жестокими людьми. Важно отметить, что такие представления имели под собой реальную почву. Грубость привычек паннонских, мезийских, фракийских солдат и командиров в немалой мере объясняется их происхождением: большинство воинов гарнизонов придунайских провинций являлись выходцами из крестьянской среды или семей потомственных военных. В то же время такие качества обусловили высокую степень боеспособности иллирийских и фракийских армейских подразделений. Полководцы, командовавшие этими войсками, в III–IV вв. нередко становились римскими императорами. Как следствие, позднеантичные писатели стремились найти положительные стороны в чертах, присущих воинам из придунайских провинций.

Ключевые слова: Римская империя, римская армия, Иллирик, Паннония, Мезия, Фракия

Как известно, в период Принципата во всех сферах жизни Римской империи все более важную роль стали играть провинциалы. Кроме того, по меткому замечанию Корнелия Тацита, в «год четырех императоров» (68–69 гг.) «сделалась явной императорской власти тайна: стать принцепсом можно было не только в Риме» (Тас. Hist. I. 4). Основной опорой претендентов на высшую власть в государстве являлись расквартированные вдали от Вечного города провинциальные армии. Среди них особенное положение занимали иллирийские войска. Лагерь паннонских и мезийских легионов располагались в непосредственной близости от Италии, а значит, и самого Рима – политического центра империи. Выгодное стратегическое положение давало дунайской армии благоприятную возможность вмешиваться во внутренние усобицы в государстве.

Значительное влияние, которое оказали иллирийские легионы на судьбу империи, подчеркнул М.И. Ростовцев. Он отметил, что эти войска поддерживали тех претендентов на власть, которые выражали интересы провинциального населения.

Данные об авторе: Назаров Андрей Дмитриевич – аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета.

ния¹. Более того, А. Мочи назвал паннонские военные круги не иначе как «хунтой», которая в III–IV вв. постоянно выдвигала претендентов на императорский пурпур из своей среды². В историографии этих правителей зачастую именуют «иллирийскими императорами». Тем не менее Р. Сайм отметил, что корректнее называть их «дунайскими императорами», поскольку среди них были уроженцы не только Иллирика, но и Прибрежной Дакии, где преобладало гето-фракийское население³. Отметим, что правлению этих принцепсов посвящена обширная литература⁴.

Уже со II в. придунайские гарнизоны комплектовались преимущественно местными уроженцами – главным образом жителями сельской местности. К тому же в этих легионах находилось значительное число потомственных военных⁵. Античными авторами неоднократно отмечалась грубость поведенческих привычек иллирийских и фракийских солдат и даже самих правителей, являвшихся выходцами из этой среды, что не могло не вызвать осуждения со стороны представителей образованных кругов⁶. В этой связи перспективной темой исследования является рассмотрение «дунайских императоров» и вообще военных, служивших в балканских войсках, через призму «образа Другого» в римской литературе. Именно этой проблеме посвящена настоящая статья.

Дион Кассий вложил в уста императора Марка Аврелия (161–180) слова о том, что паннонские легионы по своим боевым качествам превосходят восточные войска (Dio Cass. LXXII. 25. 1). Однако также он сообщал, что Септимий Север, овладевший Римом в 193 г., «наполнил город пестрой толпой солдат дикого вида, ужасных в речах, неучтивых, настоящих мужланов» (Dio Cass. LXXV. 2. 6). В этом фрагменте речь шла о бойцах из Иллирика. Нужно учитывать, что у Диона Кассия, исполнявшего обязанности легата Верхней Паннонии при Александре Севере (222–235), были неприязненные отношения с военными из этой провинции, которые были недовольны строгостью наместника. Более того, по предположению А.В. Махлаюка, из-за угроз паннонцев, приближенных к императору, Дион Кассий в 229 г. был вынужден покинуть Рим, несмотря на получение консульских почестей⁷. Ему вторил Геродиан, точно так же порицавший этих воинов: «Те люди (жители Иллирика – А.Н.) от рождения сильны, и к сражениям пригодны, и кровожадны, но они настолько же тупоумны и не в состоянии легко понять, что с хитростью либо коварством говорится или делается» (Herodian. II. 9. 11). Элий Спартиан и вовсе назвал их «воинами-варварами» (SHA. Did. Iul. 6. 5).

Становившиеся императорами уроженцы балканских провинций Рима были выходцами исключительно из армейской среды. Это дает основание экстраполировать характеристики этих правителей в позднеримских источниках на личный состав дунайских подразделений, включая рядовых. Так, о Максимине Фракийце Элий Капитолин писал, что «варварского рода были его отец и мать, из которых первый был из Готии, а вторая, как считалось, была аланского рода». В юные годы

¹ Ростовцев 2001, 115, 345.

² Mócsy 2014, 208. См. также: Глушанин 1991, 39–42.

³ Syme 1973.

⁴ Saunders 1991; Cizek 1994; Watson 1999; Kreucher 2003; Brizzi 2004; Циркин 2010.

⁵ Шгаерман 1946; Mócsy 2014, 154, 157–158, 200.

⁶ Mócsy 2014, 201.

⁷ Махлаюк 2011, 383.

Максимин был пастухом. Впоследствии его зачислили в императорскую армию, где он сделал удачную военную карьеру (SHA. Max. duo. 1–3). Геродиан к тому же отмечал, что молодежь, служившая в паннонских легионах, восхищалась его физической силой (Herodian. VI. 8. 1–3). Свергнув Александра Севера в 235 г., Максимин стал императором. При этом многие источники упоминали о его жестокости и алчности (Herodian. VII. 1. 1–5; SHA. Max. duo. 9. 2; Epit. de caes. 25. 2; Zos. I. 13–14). Впрочем, суровость этого принцепса в значительной степени преувеличена античными литераторами. Х. Бёрм отметил, что в империи не было всеобщего недовольства Максиминином, даже сенат не был един в своем отношении к нему⁸.

Вместе с тем Требеллий Поллион привел анекдотический эпизод, предшествовавший узурпации дукса Иллирика Регалиана в 260 г., поддержанной мезийскими легионами. Во время совместного обеда один из викариев трибуна задал вопрос: «Как думаете, как Регалиан имя получил?» Другой воин, равный ему по рангу, ответил: «Я считаю, что как носитель царской власти (*regnum*)». Следом присутствовавший на трапезе школьный учитель начал склоняться: «*Rex, regis, regi, Regalianus*». После этого солдаты, на которых произвели впечатление такие паронимические обороты, признали Регалиана императором (SHA. Tur. tr. 10. 5–7). Правдоподобность этого сообщения вызывает сомнение⁹. Однако в данном случае примечательно, что автор изобразил солдат-мезийцев как малограмотную и поэтому легко поддающуюся внушению массу.

Внешний облик солдат дунайских легионов также становился объектом пренебрежительных оценок римских писателей. Ювенал упоминал о названном по имени иллирийского племени бардеев «бардайском сапоге» (*Bardaicus calceus*), который носили воины (Iuven. XVI. 14). А.В. Махлаюк в связи с этим отметил, что отдельные элементы костюма маркировали социальный статус их носителей. Ювенал же стремился подчеркнуть грубость и неприязнительность солдат¹⁰. Необходимо вместе с тем привести свидетельство латинского писателя IV в. Аммиана Марцеллина. Он сообщал, что в 365 г. сторонники узурпатора Прокопия в Халкидоне, осажденном верными восточноримскому императору Валенту (364–378) войсками, называли законного правителя, уроженца Кибал (совр. Винковци), «Сабайярием» (*Sabaiarius*) (Amm. Marc. XXVI. 8. 2). Сабайей (*sabaia*) именовался ячменный напиток, употреблявшийся иллирийскими простолюдинами, и мятежники не упустили случая намекнуть как на неотесанность, так и на незнатность августа.

В период Поздней империи бойцы дунайской армии стали значительно чаще удостаиваться положительных характеристик. Авторские позиции по отношению к паннонским, мезийским, фракийским воинам в эту эпоху обрели амбивалентный характер. В немалой степени это было связано со стремлением авторов литературных произведений произвести благоприятное впечатление на правящих особ. Уроженцы Балканского п-ова удостаивались похвалы за свою воинственность, от-

⁸ Borm 2008, 77–81.

⁹ М. фон Альбрехт, в частности, отметил, что в *Historia Augusta* «недостаток информации компенсируется анекдотами, чудесными историями и новеллистическими элементами». См.: Альбрехт 2005, 1516–1519.

¹⁰ Махлаюк 2002, 127, прим. 10.

вагу, выносливость, неприхотливость. Тем не менее негативная оценка поведения этих военных все так же продолжала присутствовать в римской литературе: они по-прежнему могли обвиняться в грубых и вульгарных манерах¹¹.

Весьма примечательно, каким образом шло облагораживание облика военных, бывших уроженцами Балканского п-ова, в позднеримском публицистическом дискурсе. Так, Требеллий Поллион, писавший, что Клавдий II (268–270) воплотил в себе «Траяна доблесть, Антонина благочестие, Августа умеренность» (SHA. Claud. 2. 3), использовал тропы, характерные для панегирического жанра, или даже позаимствовал фрагмент из не сохранившегося к нашему времени сочинения. Прочие же авторы чаще всего прибегали к иным литературным приемам. Они стремились найти соответствие между чертами характера, манерами, менталитетом уроженцев придунайских провинций и системой ценностей, культивируемой представителями образованных слоев. В частности, скромность в быту и неприхотливость паннонских, мезийских, фракийских солдат и командиров соотносилась с представлениями о достижении *virtus* посредством преодоления жизненных трудностей, а также учением стоиков, призывавших к скромности в быту¹².

Более того, в период Поздней империи, как и в эпохи Республики и Принципата, продолжал существовать стереотип о том, что лучшими воинами были крестьяне. В античных обществах базовой социальной прослойкой было сословие полноправных свободных: одновременно земельных собственников, членов народного собрания и полисного ополчения. Естественно, наиболее почетным занятием являлось земледелие. Катон Старший полагал, что именно земледельцы становятся лучшими гражданами и воинами (Cat. De agri cult. Praef. 3). Вегетий тоже считал, что для службы в армии «более подходит сельский люд, который под открытым небом в труде воспитан, к солнечному свету терпелив, мраком ночи пренебрегает, бань не знает, роскоши чужд, простодушен, малым довольствуется, чьи члены закалены во всяческих трудах, те, у кого носить железные орудия, рвы копать, тяжести таскать вошло в привычку в деревне» (Veget. I. 3)¹³.

Необходимо отметить, что воины дунайской армии в достаточной мере соответствовали подобного рода требованиям. Впрочем, следует учитывать, что речь идет лишь о морализаторских топосах античных авторов, а не о государственной политике комплектования воинских контингентов. Так, Мамертин в панегирике августу Максимиану Геркулию (285–305) гласил, что жителей придунайских провинций «к неутомимому каждодневному труду и стойкости вынуждает близость врагов, а оружие – постоянно держать в готовности, в которых вся жизнь есть война, в которых даже женщины мужчин иных народов сильнее» (Pan. Lat. III (XI). 3. 9). Вместе с тем Гай Юлий Солин сообщал, что Паннония своими «мужами сильна» (Solin. Coll. rer. memor. 21. 2). Кроме того, анонимный автор «Полного описания вселенной и народов» писал, что Фракия «многих имеет мужей, храбрых на войне, вследствие чего их часто берут в солдаты» (Exp. tot. mund. 11, ed. J.E. Woodman).

¹¹ Lenski 2014, 86–88.

¹² Phang 2008, 242–244.

¹³ См. также: Махлаюк 2006, 159–160.

В источниках нередко отмечались положительные качества «дунайских императоров». Так, Аврелиан (270–275), прозванный своими сослуживцами *manu ad ferrum* («рука на рукояти») (SHA. Aurel. 6. 2), неоднократно удостоивался похвалы за свой полководческий талант и умение поддерживать дисциплину в армии. При этом те же авторы, которые превозносили Аврелиана как удачливого и умелого военачальника, отмечали его жестокость и мрачность (SHA. Aurel. 6. 1; 21. 5; 36. 2; Eutrop. IX. 13. 1; Aur. Vict. 35. 11; Epit. de caes. 35. 9). Добродетели, присущие Аврелиану, приписывались и Пробу (276–282). В то же время в нарративных памятниках подчеркивалась умеренность, выгодно отличавшая его от Аврелиана (SHA. Prob. 6. 1 ff.; 8. 1; Aur. Vict. 37. 2).

Аврелий Виктор признавал, что цезари Констанций Хлор и Галерий, несмотря на малообразованность и незнатность, «были в достаточной мере прекрасными деятелями государства», поскольку познали трудности сельской и военной жизни. Аргументируя свою позицию, Аврелий Виктор отметил: «Несомненно, скорее благочестивыми и мудрыми становятся познавшие тяготы» (Aur. Vict. 39. 27). Столь же лестная оценка дана Галерию в сочинении *Epitoma de caesaribus*: он «хоть и неотесан, но справедлив в своем прямодушии и заслуживал похвалы, физически развит, опытный и удачливый воин» (Epit. de caes. 40. 15). Максимиан Дайя, племянник Галерия, по словам анонимного создателя *Epitoma de caesaribus*, происходил из крестьянской семьи, однако с уважением относился к образованным людям. Впрочем, он обладал серьезным недостатком – пристрастием к вину (Epit. de caes. 40. 18). Также и Лициний, чье детство прошло в деревне, был «армии стражем суровейшим в соответствии с древними установлениями» (Epit. de caes. 41. 9).

Заслуживает внимания фрагмент трактата Синесия Киренского «О царстве», в котором описана сцена приема Карином (283–285) персидского посольства. Однако нужно оговориться, что Карин не участвовал в войнах с государством Сасанидов. По замечанию Ал. Кэмерона, речь могла идти о Пробе или Каре (282–283)¹⁴. Впрочем, Г. Кройхер полагает, что Проб не руководил боевыми действиями против Персии¹⁵. Так или иначе во время приема императором иранских посланников «пурпурный хитон его лежал на траве, трапеза же состояла из вчерашней гороховой похлебки с несколькими кусками нарезанной соленой свинины». Более того, правитель «плешиности не стыдится и, горшок поставив, отведать вместе из него зовет». При этом одет он был «в хитон из грубой шерсти и войлочную шапку» (Syn. De reg. 18, ed. I.G. Krabinger). Неприхотливость императора во многом объясняется привычками, сформировавшимися, когда он был простым крестьянином, а затем солдатом. Помимо прочего, такой образ жизни ставился Синесием в пример восточноримскому императору Аркадию (395–408)¹⁶.

Тем не менее деревенские привычки и недостаточная образованность балканских императоров все так же становились объектом критики и насмешек. Например, август Максимиан Геркулий, родившийся в сельской местности близ Сирмия (совр. Сремска Митровица), по словам Евтропия, был «явно жесток и грубого нрава, суровость была еще и в лице его, страх внушавшем» (Eutrop. IX. 27. 1).

¹⁴ Cameron, Long 1993, 105, n. 2.

¹⁵ Kreucher 2003, 158–162.

¹⁶ Cameron, Long 1993, 103.

Автор *Epitoma de caesaribus* писал, что Максимиан был человеком «дикого нрава, пылал сладострастием, глуп в советах» (*Epit. de caes.* 40. 10). Отдельно следует отметить, что Галерий получил прозвище *armentarius* («пастух»), что являлось указанием на род его занятий до поступления на военную службу (*Aur. Vict.* 39. 24; *Epit. de caes.* 39. 15). Кроме того, провозглашенный паннонскими войсками императором в 350 г. Ветранион описан Евтропием как «муж дельный и нрава, свойственного древним, приятный в общении, но во всех свободных искусствах невежественный» (*Eutrop.* X. 10. 2). Схожим образом Зосим назвал Валентиниана I (364–375) «участником многих войн, но малообразованным» (*Zos.* III. 36. 2).

Император Юлиан (361–363) в сочинении «Мисопогон» охарактеризовал род Константина Великого, происходивший из Мезии, как «полностью дикий, суровый, неловкий, неспособный к любви, в решениях непреклонный» (*Iul. Mis.* 348c–d). Нужно учесть, что Юлиан враждебно относился к представителям родного семейства, в том числе к дяде Констанцию II и его братьям, по инициативе которых в 337 г. был убит цезарь Далмаций, отец Юлиана¹⁷. Более того, он, вероятно, испытывал презрение к иллирийским и фракийским военным вообще. Система ценностей солдат и командиров придунайских гарнизонов не соответствовала представлениям Юлиана о необходимости воспитания правителей и воинов в соответствии с идеями Платона, сформулированными в труде «Государство»¹⁸.

Необходимо также обратиться к памятникам позднеантичной христианской литературы. Например, по словам Лактанция, для цезаря Галерия были свойственны «зверья природная дикость и свирепость, римской крови чуждая» (*Lact. De mort.* 9. 1). Более того, он сообщал, что Галерий заманил в ловушку с диким животным юного Константина, будущего императора. Христианский автор к тому же писал, что при его дворе содержали медведей, которых он награвливал на людей ради забавы (*Lact. De mort.* 21. 5; 24. 4–5). Праксагор Афинский, языческий писатель, в свою очередь уточнил, что Константину пришлось сразиться со львом (*Prax. Ath. fr.*). Безусловно, позиции этих авторов, возвеличивавших деяния Константина Великого, во многом пристрастны, а сюжет о поединке со зверем вполне может быть плодом вымысла. Однако И.А. Миролубов допускает вероятность того, что повествование Лактанция и Праксагора опирается на вполне реальный инцидент, произошедший при дворе Галерия. Сама же история о поединке Константина со зверем у Лактанция является аллюзией на библейский сюжет о чудесном спасении пророка Даниила, брошенного в ров со львами¹⁹.

Следует к тому же упомянуть о таком литературном памятнике, как «Житие св. Мартина Турского», созданном Сульпицием Севером. Святитель, которому посвящено это агиографическое произведение, родился в Саварии (совр. Сомбатхей) и долгое время служил в императорской армии, последовав примеру своего отца (*Sulp. Sev. V. Mart.* 2. 1–2). Н. Ленски утверждает: «Паннонское происхождение не только подтолкнуло его к военной карьере, но и в некотором смысле определило, кем он был <...> Мартин имел характер, который все поздние римляне с готовностью признали бы как паннонский». Это проявилось в поступках св. Мартина Турского: «от его энергичного разрушения многобожных храмов и сверхчелове-

¹⁷ Bowersock 1978, 23.

¹⁸ См. подробнее: Athanassiadi-Fowden 1981, 121–122.

¹⁹ Миролубов 2017, 573, 575–576.

ческих сражений с демонами до дерзкого неповиновения императору Юлиану и узурпатору Максиму»²⁰.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что в римской литературе сформировался устойчивый образ военных из придунайских провинций как вульгарных и жестоких людей. Нельзя не отметить, что подобного рода репрезентации имели под собой реальную почву. Грубость нравов иллирийских и фракийских воинов во многом объясняется их крестьянским происхождением, а также суровостью армейского быта. Из этой среды происходили и так называемые «дунайские императоры». Характеристики этих правителей в значительной мере соответствовали оценкам, которые давались античными авторами их соратникам из балканских провинций. Однако в годы правления «дунайских императоров» такого рода образы были переосмыслены представителями образованных кругов. Как следствие, в литературе стали подчеркиваться положительные качества уроженцев Иллирика и Фракии: физическая сила, стойкость, отвага, неприхотливость.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт, М. фон. 2005: *История римской литературы*. Т. 3. М.
- Глушанин, Е.П. 1991: *Военная знать ранней Византии*. Барнаул.
- Махлаюк, А.В. 2002: Процесс «варваризации» римской армии в оценках античных авторов. *Античный мир и археология: межвузовский сборник научных трудов* 11, 123–129.
- Махлаюк, А.В. 2006: *Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность*. СПб.
- Махлаюк, А.В. 2011: «Историк века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история». В кн.: Махлаюк А.В. (ред.) 2011: *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX*. СПб., 372–437.
- Миролюбов, И.А. 2017: Константин Великий в клетке со зверем. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 571–579.
- Ростовцев, М.И. 2001: *Общество и хозяйство в Римской империи*. Т. 2. СПб.
- Циркин, Ю.Б. 2010: «Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н.э.). *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 9, 271–288.
- Шабага, И.Ю. (ред.) 2016: *Латинские панегирики*. М.
- Штаерман, Е.М. 1946: Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. *Вестник древней истории* 3 (17), 256–266.
- Athanassiadi-Fowden, P. 1981: *Julian and Hellenism*. Oxford.
- Brandt, S., Laubmann, G. (eds.) 1893: *L. Caeli Firmiani Lactanti Opera omnia*. P. 2, Fasc. 1. Vindobonae.
- Brizzi, G. 2004: Ancora su Illyriciani e ‘Soldatenkaiser’: qualche ulteriore proposta per una messa a fuoco del problema. In: G. Urso, (ed.), *Dall’Adriatico al Danubio: l’Illirico nell’età greca e romana: atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 25-27 settembre 2003*. Pisa, 319–342.
- Börm, H. 2008: Die Herrschaft des Kaisers Maximinus Thrax und das Sechskaiserjahr 238: Der Beginn der “Reichskrise”? *Gymnasium: Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung* 115, 69–86.
- Bowersock, G.W. 1978: *Julian the Apostate*. Cambridge.
- Cameron, A., Long, J. 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley.
- Cary, E. (ed.) 1927: *Dio Cassius. Roman History*. Vol. 9. Cambridge.

²⁰ Lenski 2014, 36.

- Charles, Th.C. (ed.) 1829: *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana*. London.
- Cizek, E. 1994: *L'empereur Aurélien et son temps*. Paris.
- Droysen, H. (ed.) 1879: *Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis*. Berolini.
- Halm, C. (ed.) 1866: *Sulpicii Severi Libri qui supersunt*. Vindobonae.
- Hooper, W.D. (ed.) 1934: *Cato. Varro. On Agriculture*. London.
- Krabinger, I.G. (ed.) 1850: *Synesii Cyrenaei quae extant Opera omnia*. T. 1. Landshuti.
- Kreucher, G. 2003: *Der Kaiser Marcus Aurelius Probus und seine Zeit*. Stuttgart.
- Lang, C. (ed.) 1885: *Flavi Vegeti Renati Epitoma rei militaris*. Lipsiae.
- Lenski, N. 2014: *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley.
- Magie, D. (ed.) 1921–1932: *Historia Augusta*. Vol. 1–3. Cambridge (Mass.).
- Mendelsson, L. 1883: *Herodiani Ab excessu Divi Marci libri octo*. Lipsiae.
- Mócsy, A. 2014: *Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire*. Abingdon–New York.
- Mommsen, Th. (ed.) 1895: *C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium*. Berolini.
- Moore, C.H. (ed.) 1925: *Tacitus. The Histories. Books 1–3*. Cambridge.
- Müller, C. (ed.) 1885: *Fragmenta historicorum graecorum*. Vol. 4. Parisiis.
- Paschoud, F. (ed.) 1979–2000: *Zosime. Histoire nouvelle*. T. 1/2, Pt. 1. Paris.
- Phang, S.E. 2008: *Roman Military Service: Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge.
- Ramsay, G.G. (ed.) 1920: *Juvenal and Persius*. London.
- Rolfe, J.C. (ed.) 1940: *Ammianus Marcellinus. History*. Vol. 2. London.
- Saunders, T.R. 1991: *A Biography of the Emperor Aurelian (A.D. 270–275)*. Ann Arbor.
- Syme, R. 1973: Danubian and Balkan Emperors. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22/2, 310–316.
- Watson, A. 1999: *Aurelian and the Third Century*. London.
- Woodman, J.E. 1964: *Expositio Totius Mundi et Gentium: Its Geography and Its Language* (M.F.A. Thesis, Univ. of Ohio).
- Wright, W.C. (ed.) 1913: *The Works of the Emperor Julian*. Vol. 2. London–New York.

REFERENCES

- Albrecht, M. von. 2005: *Istoriya rimskoy literatury [A History of Roman Literature]*. Vol. 3. Moscow.
- Athanassiadi-Fowden, P. 1981: *Julian and Hellenism*. Oxford.
- Brandt, S., Laubmann, G. (eds.) 1893: *L. Caeli Firmiani Lactanti Opera omnia*. Pars 2, Fasc. 1. Vindobonae.
- Brizzi, G. 2004: Ancora su Illyriciani e ‘Soldatenkaiser’: qualche ulteriore proposta per una messa a fuoco del problema. In: G. Urso (ed.), 2004: *Dall’Adriatico al Danubio: l’Illirico nell’età greca e romana: atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 25-27 settembre 2003*. Pisa, 319–342.
- Börm, H. 2008: Die Herrschaft des Kaisers Maximinus Thrax und das Sechskaiserjahr 238: Der Beginn der “Reichskrise”? *Gymnasium: Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung* 115, 69–86.
- Bowersock, G.W. 1978: *Julian the Apostate*. Cambridge.
- Cameron, A., Long, J. 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley.
- Cary, E. (ed.) 1927: *Dio Cassius. Roman History*. Vol. 9. Cambridge.
- Charles, Th.C. (ed.) 1829: *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana*. London.
- Cizek, E. 1994: *L'empereur Aurélien et son temps*. Paris.

- Droysen, H. (ed.) 1879: *Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis*. Berolini.
- Glushanin, E.P. 1991: *Voennaja znat' ranney Vizantii* [Military Nobility of Early Byzantium]. Barnaul.
- Halm, C. (ed.) 1866: *Sulpicii Severi Libri qui supersunt*. Vindobonae.
- Hooper, W.D. (ed.) 1934: *Cato. Varro. On Agriculture*. London.
- Krabinger, I.G. (ed.) 1850: *Synesii Cyrenaei quae extant Opera omnia*. T. 1. Landshuti.
- Kreucher, G. 2003: *Der Kaiser Marcus Aurelius Probus und seine Zeit*. Stuttgart.
- Lang, C. (ed.) 1885: *Flavi Vegeti Renati Epitoma rei militaris*. Lipsiae.
- Lenski, N. 2014: *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley.
- Magie, D. (ed.) 1921–1932: *Historia Augusta*. Vol. 1–3. Cambridge.
- Makhlayuk, A.V. 2002: Process “varvarizacii” rimskoy armii v ocenkah antichnyh avtorov [The Process of “Barbarization” of the Roman Army in the Accounts of Ancient Authors]. *Antichnyy mir i arheologiya: Mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Classical World and Archeology] 11, 123–129.
- Makhlayuk, A.V. 2006: *Soldaty Rimskoy imperii. Tradicii voennoy sluzhby i voinskaya mental'nost'* [Soldiers of the Roman Empire. The Traditions of Military Service and the Martial Mentality]. Saint Petersburg.
- Makhlayuk, A.V. 2011: “Istorik veka zheleza i rzhavchiny”. Kassiy Dion i ego “Rimskaya istoriya” [“Historian of the Century of Iron and Rust”. Cassius Dio and his “Roman History”]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Kassiy Dion Kokkeyan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX* [Cassius Dio Cocceianus. Roman History. Books LXIV–LXXX]. Saint Petersburg, 372–437.
- Mendelsson, L. 1883: *Herodiani Ab excessu Divi Marci libri octo*. Lipsiae.
- Mirolyubov, I.A. 2017: Konstantin Velikiy v kletke so zverem [Constantine the Great in a Cage with a Wild Beast]. *Indoevropayskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 21, 571–579.
- Mócsy, A. 2014: *Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire*. Abingdon–New York.
- Mommsen, Th. (ed.) 1895: *C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium*. Berolini.
- Moore, C.H. (ed.) 1925: *Tacitus. The Histories. Books 1–3*. Cambridge.
- Müller, C. (ed.) 1885: *Fragmenta historicorum graecorum*. Vol. 4. Parisiis.
- Paschoud, F. (ed.) 1979–2000: *Zosime. Histoire nouvelle*. T. 1/2, Pt. 1. Paris.
- Phang, S.E. 2008: *Roman Military Service: Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge.
- Ramsay, G.G. (ed.) 1920: *Juvenal and Persius*. London.
- Rolfe, J.C. (ed.) 1940: *Ammianus Marcellinus. History*. Vol. 2. London.
- Rostovtsev, M.I. 2011: *Obshchestvo i khozyaystvo v Rimskoy imperii* [The Social and Economic History of the Roman Empire]. Vol. 2. Saint Petersburg.
- Saunders, T.R. 1991: *A Biography of the Emperor Aurelian (A.D. 270–275)*. Ann Arbor.
- Shabaga, I.Yu. (ed.) 2016: *Latinskie panegiriki* [Latin Panegyrics]. Moscow.
- Shtaerman, E.M. 1946: Etnicheskiy i social'niy sostav rimskogo voyska na Dunae [Ethnic and Social Composition of the Roman Army at the Danube]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3 (17), 256–266.
- Syme, R. 1973: Danubian and Balkan Emperors. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22/2, 310–316.
- Watson, A. 1999: *Aurelian and the Third Century*. London.
- Woodman, J.E. 1964: *Expositio Totius Mundi et Gentium: Its Geography and Its Language* (M.F.A. Thesis, Univ. of Ohio).
- Wright, W.C. (ed.) 1913: *The Works of the Emperor Julian*. Vol. 2. London–New York.

IMAGES OF ROMAN EMPERORS FROM THE DANUBIAN PROVINCES
IN THE NARRATIVE TRADITION

Andrey D. Nazarov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
andrey.nazarov451@gmail.com

Abstract. The article deals with images of the Roman Emperors who were natives of the Balkan provinces in narrative sources. The author concludes that a stereotyped image of the Danubian military men was formed by the Roman writers in the 3rd century AD. They are often seen as rude, vulgar and cruel people. It is important to note that such representations had a real basis. The coarseness of the habits of the Pannonian, Moesian, and Thracian soldiers and commanders is to a large extent explained by their origin: most of them came from the peasant environment or the hereditary military families. At the same time, such qualities led to a high degree of combat effectiveness of the Illyrian and Thracian military units. The warlords who commanded these troops often became Roman Emperors in the 3rd–4th centuries. As a result, late antique authors sought to find positive aspects in the traits of the warriors from the Danubian provinces.

Keywords: Roman Empire, Roman army, Illyricum, Pannonia, Moesia, Thrace
